UPRAVLENETS № 1/53/ 2015

Актуальная экономическая теория и социология организаций и культуры

ФИЛИППОВСКАЯ Татьяна Владимировна
Кандидат педагогических наук,
доцент кафедры социологии и психологии

Уральский государственный экономический университет
620144, РФ, г. Екатеринбург,
ул. 8 Марта/Народной воли, 62/45
Тел.: (343) 323-55-93
E-mail: ftatyana@mail.ru

Ключевые слова

СОЦИАЛИЗАЦИЯ ЭКОНОМИКИ
ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ
СОЦИОЛОГИЯ ОРГАНИЗАЦИЙ
СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ

Аннотация

Автор рассматривает актуальные парадигмы взаимосвязи социологии и экономической теории в рамках социальной философии. Предлагается инновационный подход к использованию междисциплинарных контекстов при анализе экономических явлений и процессов.

JEL classification

H60, H61, H68

Социология организаций и социология культуры, сформировавшиеся как значимые научные направления несколько позднее, чем, к примеру, менеджмент, в основе которого заложены концепты социальной философии и эмпирической социологии, сегодня позволяют иначе оценивать актуальные действия экономистов. Это связано с тем, что активно обсуждаемые аспекты социализации экономики, предопределенные признанием возрастания роли человеческого фактора в жизнедеятельности социума, чаще всего являются декларациями о намерениях и ожиданиях, чем реальными явлениями и процессами.

В социологии управления и социологии организаций одним из перспективных направлений исследований продолжает оставаться анализ взаимоотношений не только между участниками рынка, но и с институтами и субъектами власти. Здесь интерес исследователей привлекают, как правило, два аспекта: властные ресурсы как способность к организации и реализации своих интересов и социальные навыки, необходимые для обретения и использования этих ресурсов. Последнее остается, как правило, вне внимания экономистов.

Сегодня проблемы власти и влияния в организациях становятся ведущими при анализе эффективности управленческой деятельности. При значительном наличии теоретических посылок о том, как надо принимать организационные решения, наблюдается явный недостаток действенных технологий, основанных на междисциплинарных дискурсах, описывающих алгоритм максимально быстрой реализации принятых решений, необходимого руководству влияния на поведение сотрудников. Речь идет не только о преодолении сопротивления консерваторов, не желающих выходить за рамки устоявшихся, но не оптимальных бизнес-процессов, но и о рациональной взаимозависимости.

Джеффри Пфеффер и Джерри Сэлэнсик считают, что «любое событие, которое зависит от более чем одного субъекта, представляет собой результат взаимозависимости. Взаимозависимость появляется тогда, когда один субъект не может полностью контролировать все условия, необходимые для достижения желаемого результата своих действий». Далее констатируется: секрет заключается в том, что когда появляется взаимозависимость, наша способность достигнуть результатов работы требует от нас применения силы и влияния на тех, от кого эти результаты зависят. Поясняя свои взгляды, Дж. Пфеффер неоднократно ссылается на наглядный пример ведущих причин того, почему компания Xerox потерпела поражение при попытке заработать состояние на своих технологических новинках. Ключевой проблемой стали отношения, сложившиеся между работниками Palo Alto Research Center, где трудились ученые-разработчики новаций, и остальными сотрудниками компании. «Работники центра исследований были очень высокомерны и заносчивы по отношению к остальным работникам компании». Внедрение же на рынок нового продукта требует согласованности взаимозависимых действий многих подразделений компании, и именно этой истины не поняли руководители Palo Alto Research Center, когда не посчитали нужным применить власть и влияние [6. С. 49–50].

Проблемы актуализации властных ресурсов непосредственно связаны и с механизмом реализации государственной власти, активизирующим стабилизационные процессы в условиях рынка или наоборот.

Считается, что государство и рынок – два активно противоборствующих субъекта. Если, как считает В.В. Радаев, «побеждает» государство, то расширяется сфера коррумпированного чиновничьего режима, если побеждает рынок – то олигархических хозяйственных структур. Ученый напоминает, что, согласно концепции встроенной автономии (embedded autonomy) Питера Эванса, государство конституирует рынок и одновременно рынок активно влияет на

УПРАВЛЕНЕЦ № 1/53/ 2015

Topical Economic Theory and Sociology of Organizations and Culture

Tatyana V. FILIPPOVSKAYA
Cand. Sc. (Pedagogy), Associate-Prof. of Sociology and Psychology Dept.

Ural State University of Economics
620144, RF, Yekaterinburg,
8 Marta/Narodnoy Voli St., 62/45
Phone: (343) 323-55-93
E-mail: ftatyana@mail.ru

Keywords

SOCIALIZATION OF ECONOMY
ECONOMIC SOCIOLOGY
SOCIOLOGY OF ORGANIZATION
SOCIOLOGY OF CULTURE

Abstract

The author examines the topical paradigms of the relationship between sociology and economic theory within the frames of social philosophy. The innovative approach to the use of interdisciplinary contexts in the analysis of economic phenomena and processes is suggested.

JEL classification

H60, H61, H68

структуры политической власти. «Экономические и политические процессы тем самым утверждаются и воспроизводятся друг через друга, и в результате возникают системы управления, интегрирующие частные интересы участников рынка и интересы политических структур. Главным вопросом здесь становится не количественное соотношение государственного и рыночного секторов (например, относительный размер государственного бюджета или доля государственной собственности в производственных активах), а способы интеграции двух типов структур и двух типов институционализированных правил» [7. С. 45].

Однако если экономисты при исследовании этих аспектов обращаются к идеальным моделям, то социальные философы осмысляют, а социологи исследуют особенности реального взаимодействия рынка и государства. Не исключено, что недостаточное внимание именно к социологической оценке социальных последствий принимаемых властными институтами экономических решений крайне негативно сказывается в целом на эффективности функционирования всего национального хозяйства. Например, увеличение размера страховых взносов в социальные фонды, ранее носивших название ЕСН (единый социальный налог), с 1 января 2011 г. с 26 до 34%, по нашим подсчетам, привело к ежемесячным потерям только Фонда медицинского страхования в размере 5 627 млн р. Уже в первом полугодии 2011 г. изменился характер и состав протестного движения: в нем активизировалось участие таких социальных общностей, как работники культуры, образования, здравоохранения. Изменилась стратегия протестов: возросло количество прямых обращений к властным институтам с требованием исправления сложившихся диспропорций, протестные акции стали более комплексными по содержанию предпринимаемых действий. Однако экономический подход в данном случае оказался ведущим, социологический анализ остался невостребованным, а хозяйство страны недополучило 1,45% ВВП [5].

Если рассматривать проблемное поле социальной философии и социологии шире, чем в рамках отдельной страны, то неизбежно обращение к актуальным концепциям мирового хозяйства, глобальных товаропроизводящих цепей (global commodity chains), расширяющих подход мирсистемного анализа Иммануила Валлерстайна [3]. В ситуации, соответствующей времени исследований ученого, он делал основной акцент на воспроизводстве господства капиталистических отношений. Сегодня речь идет об инновационных процессах, связанных с включением фирм и даже отраслей в глобальные сети для создания добавленной стоимости и повышения своей конкурентоспособности. Последнее сближает экономическую социологию, структурными составляющими которой являются сетевая социология, социология организаций и социология культуры, с экономической теорией, для которой становится достаточно значимой задача всестороннего анализа влияния политических решений на риски дестабилизации деятельности хозяйствующих субъектов на всех уровнях сетей интеракций. Междисциплинарный подход позволит более реалистично оценить эффективность, например, санкций США по отношению к России в связи с событиями на Украине в 2013–2014 гг., как и ответные национальные шаги относительно стран, поддерживающих давление американских политических лидеров.

Напомним, как события 6–8 августа 2014 г. вызвали мгновенную цепную реакцию мирового рынка.

Президент РФ подписывает Указ о применении отдельных специальных экономических мер для обеспечения безопасности России, запрещающий в течение года ввозить в страну сельскохозяйственную продукцию, сырье и продовольствие контрагентам, которые ввели санкции против РФ.

Бельгийская газета Soir сообщает, что потери от запрета на ввоз продуктов пи-

тания в РФ для Бельгии могут составить около полумиллиарда евро [8]. В используемых нами здесь материалах ИТАР-ТАСС указывается, что динамика роста польской экономики может потерять до 1% ВВП из-за введенных Россией ответных мер на санкции Европейского союза (ЕС). По расчетам Минсельхоза Молдавии, потери аграриев могут составить около 150 млн дол. Основные убытки понесут производители яблок, которые были вторыми по величине поставщиками этой продукции в Россию после Польши. Переориентировать поставки в ЕС они не могут, поскольку их продукция не соответствует европейским стандартам. Потери Финляндии могут составить 4 253 млн евро.

Еще до этих событий, в конце июля, эксперты Комитета по восточноевропейским экономическим отношениям, лоббирующего интересы немецкого бизнеса в России, подсчитали, что санкции могут привести к сокращению в Германии 350 тыс. рабочих мест, которые напрямую зависят от российско-немецкого товарооборота, а это 80 млрд евро в год [11].

В эти же дни в СМИ обсуждаются перспективы запрета использования национального воздушного пространства для транзитных рейсов европейских и американских компаний в регионы Восточной Азии. Уже 6 августа 2014 г. европейские биржи отмечают массовый обвал акций авиаперевозчиков. Потери капитализации крупнейших европейских и американских авиакомпаний на фоне российского ответа на санкции против «Добролета» к середине дня 7 августа составили около 4,5 млрд дол. (в пересчете по биржевому курсу на указанную дату) [9].

Потери России к этому времени оцениваются разными экспертами поразному. Одни указывают на дефицит в 650 млрд р. [4], другие предполагают потери до 4,5% ВВП в 2015 г. Так, по прогнозам экспертов Евросоюза, в 2014 г. ущерб от санкций составит 23 млрд евро, или 1,5% ВВП России. В следующем году эффект от санкций будет еще больше – 75 млрд евро, или 4,8% ВВП [11]. В целом же ущерб для российского бизнеса может составить 744 млрд евро, или 1 трлн дол. Как подсчитали ранее эксперты журнала The Economist [11], потери по странам ЕС будут сопоставимы с российскими. Они могут составить 40 млрд евро, или 0,3% ВВП, в текущем году и 50 млрд евро, или 0,4% ВВП, в 2015 г.

Несмотря на научные взгляды автора статьи, полностью противоположные общетеоретическим концептам Андерса Аслунда, обратимся к тезисам ученого, не вызывающим желания их опровергнуть. Он представляет социально-философский подход к оценке истории санкционных действий и напоминает, что Гэри Хафбауэр и Джеффри Шотт, изучая в течение нескольких десятилетий историю экономических санкций (Economic Sanctions Reconsidered), проанализировали 204 случая таких ограничений после Второй мировой войны. Большинство экономических санкций, как выяснилось, не достигают своей цели: они оказываются успешными лишь в 34% случаев. Самые успешные из них – те, что ставят целью умеренное изменение политики страны (51% из них дают результат), а самые неуспешные – санкции, призванные остановить военное вмешательство (из них только 21% были результативны). Попытки добиться смены режима и демократизации оказались успешными в 31% случаев [1].

Как видим, налицо конфликт интересов политиков и экономистов. Здесь возможно применение социально-философского подхода, использованного Люком Болтански и Лораном Тевено [2. С. 67–68]. Ученые констатировали, что для критики кого-либо или попытки объяснения по поводу того, «что не ладится», «нужно свести воедино множество людей и предметов, установив связи между ними. Например, нужно соединить ситуации и моменты прошлого, чтобы обнаружить общие для них и подходящие в данном случае свойства. Процесс сведения различных предметов или различных фактов должен быть оправдан с помощью принципа эквивалентности, который показывает, что между ними общего. На подобных принципах основывается не только спор, но и согласие». Далее ученые делают вывод, что в связи с этим «проверка реальностью и компромисс – не единственные пути, которые можно выбрать для того, чтобы уйти от критического момента и вернуться к привычному ходу действия». Но для поиска верного пути императив оправдания, используемый критикующим, должен соответствовать правилам приемлемости, осмысления временности любого кризиса и, добавим, ответственности за его исход.

В этом случае решающее значение начинает приобретать философская основа социологии культуры. В рамках таких контекстов экономической социологии поводом для споров стали противоположные позиции, описанные Вивианой Зелизер и Полом Димаджио [10]. Одни ученые исключали анализ влияния социокультурных факторов на экономическое развитие различных общностей, заменяя его осмыслением социальных отношений и сетей и воспринимая «культуру как пережиток опасного парсонианского прошлого». Эта тенденция получила название «социоструктурный абсолютизм». Напротив, В. Зелизер высказывалась и против тенденции анализировать хозяйственные явления исключительно с позиций культуры, как если бы они состояли только из смыслов (meanings), – эту тенденцию она называет «культурным абсолютизмом» [10]. В связи с этим определен как оптимальный путь рассуждений, связанный с необходимостью учета привычек, традиций, культурных навыков людей, смыслов и символов, верований и идеологий, убеждений и формальных систем правил поведения. Однако речь здесь идет прежде всего о хозяйственном поведении субъектов (акторов) или об их экономической культуре, уровне и гибкости экономического мышления.

Ричард Сведберг отмечает, что во всех работах В. Зелизер подчеркивается процесс «социального конструирования» хозяйственных явлений: описывается социальное конструирование страхования жизни, «экономической стоимости» детей и различных видов денег. «В книге "Мораль и рынки" основное внимание уделяется негативной культурной реакции на страхование жизни в XIX в. в США, когда святая ценность человеческой жизни столкнулась с секулярной тенденцией оценивать "стоимость" смерти в денежной форме. Во второй работе – "Оценивая бесценного ребенка" – В. Зелизер исследует практически противоположное явление: как в сознании американцев дети, имевшие в XIX в. "экономическую стоимость", в XX в. стали экономически "бесполезными", но одновременно эмоционально "бесценными". В последней части своей трилогии (в книге "Социальное значение денег") В. Зелизер показывает, что деньги – вовсе не нейтральная, асоциальная субстанция, напротив, они принимают самые разные формы, обусловленные культурой (автор говорит здесь о "множественных деньгах" [multiple monies])» [10].

В связи с этими наработками сегодня в социально-философском контексте мы видим многочисленные исследования, связанные с хозяйственной культурой. По мнению В.В. Радаева, она «...представляет собой совокупность накопленных профессиональных знаний и навыков,

сформированных хозяйственных норм, ценностей и символов, используемых значений и смыслов. Таким образом, это интегральное понятие, включающее, как минимум, три аспекта:

- когнитивный – приобретаемые знания и навыки;
- ценностный – осваиваемые стандарты поведения;
- символический – вырабатываемые способы идентификации и интерпретации происходящего» [7. С. 47].

Например, «... если иметь в виду когнитивный аспект, то окажется, что культура предопределяет исходные познавательные способности участников рынка, позволяя им накапливать знание, используя огромные потоки информации, отбирая, обрабатывая и осваивая ту ее часть, которую они считают релевантной и надежной. Выработке деловой стратегии предшествуют специфические представления о доверительных источниках информации, о том, что является успешными практиками на данном рынке, заслуживает внимания, становится основой для бенчмаркинга (*benchmarking*) – сравнительного анализа собственных параметров относительно эталонных образцов» [7. С. 47]. *Постановка хозяйственных целей* тоже выступает как культурно обусловленный процесс. Важнейшее значение в экономической жизни имеет и *ценностный аспект культуры*. Это связано с тем, что и преследуемые цели, и избираемый путь их достижения – всегда культурные конструкции. Любой вариант выбора рассматривается человеком в соответствии с теми установками, которые приемлемы или не приемлемы в той культурной среде, где он действует.

С экономической жизнью связан и *символический аспект культуры*. Например, через организацию процесса позиционирования товара на рынке. Все «произведенные товары "нагружены" символами – многозначными образами, с помощью которых человек определяет смысл происходящих хозяйственных процессов и свое место в этих процессах» [7. С. 48].

Считается, что особое место в развитии философского контекста социокультурного подхода занимает Пьер Бурдье. Представленные в его работах экономический и культурный капиталы личностей способствуют процессам, называемым в социологии идентификацией – распознаванием «своих» и «чужих» по известным большинству признакам: от марки производителя одежды до коммуникативных навыков и хозяйственной этики владельца этой одежды.

В соответствии с этими капиталами люди выбирают и тактики своего поведения. Например, Е.В. Чуева, анализируя результаты исследований, проведенных в Саратовской области, констатирует: «Все многообразие экономических тактик беднейших слоев населения условно можно разделить на типичные для "человека экономического" в рамках рыночной экономики, характерные для "человека потребляющего", присущие "человеку традиционного общества". В чистом виде реализация того или иного типа встречается редко. Напротив, часто можно наблюдать совмещение нескольких тактик или переходные формы от одной к другой: невозможность поддержать достойный уровень жизни за счет привычных практик заставляет прибегать к другим тактикам или адаптировать усвоенные ранее образцы поведения к новым условиям» [12. С. 88–97].

Далее ученый развенчивает сложившиеся у некоторых исследователей мифы об укорененности «культуры бедности» у граждан России. Е.В. Чуева утверждает, что «... характерной чертой бедности в России является то, что в числе бедных в нашей стране оказываются и работающие люди социально важных профессий (врачи, преподаватели и т.п.), ведущие "социально одобряемый образ жизни". Следовательно, основные усилия на сегодняшний день, по нашему мнению, должны быть направлены не столько на борьбу с "синдромом бедности", сколько на создание условий для выхода из "круга бедности" тех, кто этим синдромом никогда и не страдал» [12. С. 96].

В направлении исследований ученого мы видим продолжение традиций, заложенных еще в 70-е годы XX века в трудах Т.И. Заславской, считающейся основоположником экономической социологии в России.

В целом, для экономиста как профессионала ведущее значение должно иметь умение предвидеть социальные последствия принимаемых экономических решений. Поле для саморазвития в этом направлении представлено в рамках философских концептов экономической социологии чрезвычайно широко. Это и методология науки, и взаимодействие власти, государства и хозяйства, это и характеристики хозяйственной этики и идеологии, пути формирования социального капитала и доверия в обществе. Особое место могут занять инновационные аспекты исследования проблем предпринимательства, создания предприятий, прав собственности и структуры управления, трудовых отношений и трудовых конфликтов, механизма управления рынком труда, финансовым поведением в обществе и денежной политикой. Представляют интерес и междисциплинарные оценки потребления и стилей жизни, неформальной экономики, криминалитета, социально-экономической дифференциации и бедности. Социальные науки сегодня достаточно широко исследуют гендерные и этнические отношения в хозяйственных практиках, модели социально-экономического развития, международных связей и глобализации. Все это создает базу для формирования и реализации компетенций экономиста, востребованного в современных социально-экономических условиях. ■

Источники

1. Аслунд А. Насколько далеко зайдут санкции против России. URL: http://rbcdaily.ru/politics/opinion/562949992058297#xtor=AL-[internal_traffic]--[top.rbc.ru]-[daily_center]-[item_1].

2. Болтански Л., Тевено Л. Социология критической способности // Журнал социологии и социальной антропологии. 2000. Т. 3. № 3. С. 66–83. URL: http://ecsocman.edu.ru/jssa.

3. Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. СПб.: Университетская книга, 2001.

4. Калашников М. Развязка близка. URL: http://worldcrisis.ru/crisis/1600761?COMEFROM=SUBSCR.

5. Кувшинов О. 1,5% ВВП в тени // Ведомости. 2012. № 36(3050). 29 февр. URL: www.vedomosti.ru/newspaper/article/276639/

6. Пфеффер Дж. Власть, влияние и политика в организациях. М.: Изд-во «Манн, Иванов и Фербер», 2014.

7. Радаев В.В. Современные экономико-социологические концепции рынка // Анализ рынков в современной экономической социологии / отв. ред. В.В. Радаев, М.С. Добрякова. М.: ГУ-ВШЭ, 2008. С. 21–60.

8. Реакция иностранных производителей на российские санкции. URL: http://itar-tass.com/ekonomika/1365223.

9. Россия обрушила капитализацию авиакомпаний ЕС на 4,5 млрд долларов. URL: www.pravda.ru/news/world/europe/european/06-08-2014/1219959-dobrolet-0/

10. Сведберг Р. Новая экономическая социология: что сделано и что впереди? // Экономическая социология. Электронный журнал. 2004. Т. 5. № 4. С. 37–56. URL: http://ecsoc.hse.ru/issues/2004-5-4/index.html

11. Фаляхов Р. Европа подсчитала убытки от санкций. URL: http://digest.subscribe.ru/business/finance/n1603943200.html.

12. Чуева Е.В. Экономические тактики повседневного выживания в условиях бедности // Социологические исследования. 2012. № 4. С. 88–97.

References

1. Aslund A. *Naskol'ko daleko zaydut sanktsii protiv Rossii* [How far will go sanctions against Russia]. Available at: http://rbcdaily.ru/politics/opinion/562949992058297#xtor=AL-[internal_traffic]--[top.rbc.ru]-[daily_center]-[item_1].

2. Boltanski L., Teveno L. Sotsiologiya kriticheskoy sposobnosti [Sociology of critical ability]. *Zhurnal Sotsiologii i Sotsialnoy Antropologii – The Journal of Sociology and Social Anthropology*, 2000, vol. 3, no. 3, pp. 66–83. Available at: http://ecsocman.edu.ru/jssa.

3. Vallerstayn I. *Analiz mirovykh sistem i situatsiya v sovremennom mire* [The analysis of global systems and situation in today's world]. St.-Petersburg, Universitetskaya kniga Publ., 2001.

4. Kalashnikov M. *Razvyazka blizka* [The outcome is close]. Available at: http://worldcrisis.ru/crisis/1600761?COMEFROM=SUBSCR.

5. Kuvshinov O. 1,5% VVP v teni [1.5% of GDP in the shadow]. *Vedomosti*, 2012, no. 36(3050). February 29. URL: www.vedomosti.ru/newspaper/article/276639/

6. Pfeffer J. *Vlast', vliyanie i politika v organizatsiyakh* [Power in organizations]. Moscow, Mann, Ivanov and Ferber Publ., 2014.

7. Radaev V.V. Sovremennye ekonomiko-sotsiologicheskie kontseptsii rynka [Modern socio-economic market concepts]. *Analiz rynkov v sovremennoy ekonomicheskoy sotsiologii – The Market Analysis in Modern Economic Sociology*. Moscow, GU-VShE Publ., 2008, pp. 21–60.

8. The reaction of foreign manufacturers to the Russian sanctions. Available at: http://itar-tass.com/ekonomika/1365223.

9. Russia brought down the capitalization of the EU airlines to 4.5 billion dollars. Available at: www.pravda.ru/news/world/europe/european/06-08-2014/1219959-dobrolet-0/

10. Svedberg R. Novaya ekonomicheskaya sotsiologiya: chto sdelano i chto vperedi? [New economic sociology: results and plans]. *Ekonomicheskaya sotsiologiya – Economic Sociology*, 2004, vol. 5, no. 4, pp. 37–56. Available at: http://ecsoc.hse.ru/issues/2004-5-4/index.html.

11. Falyakhov R. *Evropa podschitala ubytki ot sanktsiy* [Europe estimated losses from sanctions]. Available at: http://digest.subscribe.ru/business/finance/n1603943200.html.

12. Chueva Ye.V. Ekonomicheskie taktiki povsednevnogo vyzhivaniya v usloviyakh bednosti [Economic tactics of everyday survival in conditions of poverty]. *Sotsiologicheskie issledovaniya – Sociological Research*, 2012, no. 4, pp. 88–97.